

ВАЛЕРИЙ КАРТ

СТИХИ

КНИГА 3

Валерий Карт

Стихи. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37942769

ISBN 9785449344830

Аннотация

Третья книга стихов Валерия Карта, охватывает период 1975 – 1991 годов. Валерий Карт – мариупольский поэт Крахмалюк Валерий Григорьевич, мастер доменного цеха завода имени Ильича.

Содержание

Изабель	35
Марте	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Стихи

Книга 3

Валерий Карт

Редактор Анатолий Анимица

© Валерий Карт, 2018

ISBN 978-5-4493-4483-0 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-4482-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Карт

Книга третья 1975—1991

«Судьба распорядилась круто
Я с нею заодно и пусть
Придет сиреневое утро,
Уймет печаль мою и грусть...»

Проф. Софронову Федоту Григорьевичу

Снегами разукутана,
Из края в край лежит
Страна чудес – Якутия,
Мечта и явь, и жизнь.
В безмолвии заснеженном
И кружеве берез
Невысказанность нежная,
Понятная до слез.
Я вглядываюсь пристально
В твой первозданный лик,
Столетиями мглистыми
Мужал и рос язык.
И потрясенный силою,
Неистовством души,
Я миром жил Васильева
В музейнейшей тиши.
И искренне признателен
За то, что в ритме дней,
Якутия старательно
Дарила мне друзей.
Снегами разукутана,
Из края в край лежит
Страна чудес – Якутия,

Мечта и явь, и жизнь.

У заветного окна

Веселит желанный вечер

У заветного окна.

Твои сахарные плечи

Согревают звезды – свечи.

Ты грустишь одна...

Лепетал в траве ручей,

По траве росинок россыпь.

Я один, совсем ничей,

Обними погорячей,

Распусти подруга косы!

Спело-матовая грудь

Согревала душу – сердце.

Унесу куда-нибудь,

Где сиреневая жуть

Пополам с турецким перцем...

Юный месяц, звезд эскорт

И амур разит навывлет.

Палисада некомфорт

Под окном который год.

Я грущу, что кот на крыше,

Заблажили соловьи.

Ночь казалась маловатой.

Губы жаркие твои —

Зацелую. Позови
На постель травы немятой...
Фурсову К.

Пустые хлопоты, поверь,
И эта карта неслучайна.
А неразгаданная тайна
Казалось мне, стучалась в дверь...
Висел и не кончался дождь,
Камин дымил небезуспешно,
И вечер таинством кромешным
Бросал в невидимую дрожь.
Последний изумрудный луч,
Осколок бронзового солнца
Пронзил стекло и пыль оконца
И забежал в чертоге туч.
Трефовая теснила масть
Бубей веселые картинки.
Живая, смелая морщинка
У губ любимых улеглась...
Но вот отброшена чадра,
Камин затих, забыты карты.
И ворон за окном не каркал.
И – твои руки вдоль бедра...
Захарову В.

Судьба распорядилась круто.
Я с нею заодно, и пусть
Придет сиреневое утро,
Уймет печаль мою и грусть.
Лицо от ветра бронзовеет,
Ох, пережить бы мне февраль!
Смотри, светила медный веер
Упал на пробужденный край.
И новый день упруго, смело
Шагает, торопя зарю.
И я – разбуженное тело
Несу – судьбу благодарю.

Остановилось время, не спеша
Бортпроводница ходит между кресел.
Земля едва видна из поднебесья,
Как черно-белый бильярдный шар.
Пронизывая вату облаков,
Навстречу солнцу, обгоняя ветер,
Торопимся, шатаем трон богов
И всех чертей раскачиваем вертеп...
И каждый пассажир – второй пилот.
Я с ними заодно и молча внемлю:
С надеждой отправляемся в полет,

С мечтою возвращаемся на землю
И к лайнеру взволновано спешим,
И трогаем обшивку с уважением.
А он – земной пугается тиши,
Готовый рвать притяженья...

К.А.П.

Все так просто:
Будем снова вместе.
День и ночь
И снова – ночь и день...
И тебе рябина, как невесте
Грозди подарит
Через плетень.
Ни о чем не спрашивай
О прошлом.
Угораю от любви – хана!
Прокатилось солнце
Медным грошем.
Ты не любишь,
Мужняя жена...
Наш туман российский —
Божьи слезы...
Я вернусь, цыгане,
К вам вернусь

В озорные, яркие морозы,
В нежную сиреневую грусть!
В перезвоны посидельных песен,
В лабиринт проселочных дорог.
Все так просто —
Будем снова вместе
И закончим сердца диалог...

Ах! Побежала, появилась
По склону древнего Суора
Звезда – красавица родилась,
Слезинкой прокатилась скорой.
И не до снега, не до смеха,
Гляжу, глазам своим не верю,
Таинственно и нежно Вега
Явилась, словно из поверья!
А как язычник заморожен,
В рассвет укутана планета,
До сути и до самой дрожи
Как в жизнь, я верю в чудо это!
Эх! Ускользнула, утонула,
Что жизни века – Чудо Вега!
Деду Семену

Свои шатры, наполнив ветром,
Славяне вышли из Карпат,
Как сладостны страницы ретро,
Что нам поведал старый бард.
Струился плющ по стенам башни,
Светился ракией бокал,
Бард пел и пел о битвах важных
За дух свободы, ветхость скал.
Чуть серебрился стылый воздух,
Ручей под кручей камни мыл,
Куда спешить в просторах звездных,
Где славянин еще не жил?
Спина холма цвела кострами,
Дымился платиновый снег
И лунный свет сияньем странным
Их завораживал во сне.
Затихли свары и раздоры,
Огарки звезд слизал рассвет
И даже тайные дозоры
Не ведали цену побед.
Блуждает в закоулках тела
Давнишний и недавний хмель,
Бороться, жить – награда смелым,
А трусость – пропасти ждет щель.
Неистов жар победных танцев
Под сводом храмовых небес,

Славянской выправки спартанцы
И с ними Бог, пускай не Зевс.
Внезапно под вселенским куполом,
Разрушив плен зловещих туч,
Пропела ночь и черт со ступою
Бежит. Их гонит солнца луч.
Звенят косою-клеверницей
Русины, сербы по лугам,
Уж Божий промысел их ищет
Взамен языческим богам.
И где-то среди них мой пращур,
Мой предок – гордый и крутой,
Нет за Свободу смерти краше
И жертвы жизни молодой.
Что ж, кровь все лишнее смывает
В боях за Праведность и Честь
И Милосердию, бывает,
Сдается Ненависть и Смерть.
И первый внук в тиши замолит
Грехи прожитого всего,
Ручей – старик всё кости моет
Под кручей предка моего.
Ращупкину А.

Ввечеру с друзьями у реки
Приземлимся, приводнимся тихо,

Шашлыки сегодня, шашлыки,
У мангала я колдую лихо.
От желанья к смелости порой
Шаг один и полон я отваги,
Мясо возвышается горой,
Шампуры дрожат, острее шпаги.
Как легко и трепетно ввожу
В сочные куски конец булатный,
Ворошу поленья, ворошу,
Запах постигая ароматный.
Окроплю багряные куски
Кисленьким винищем понемногу,
А друзья немеют от тоски,
Ждать и догонять они помогут.
Ты даешь команду: «Всем налить!»
Из реки карабкается водка,
Господи, порою славно жить!
Все команду выполняют четко.
Благостно, вольготно у реки
И неожиданно набегают слезы,
Истекают соком шашлыки
И роняют капли в жар березы.
Долгих Г.

Не передергивай, не лги,
Осталось лишь звездою падать,

А у меня в душе – Долгих,
Моя измученная память.
И не казалось – хорошо,
И вот сижу и нервы мучу,
А он, что юноша, мешок,
Мешок взрывчатки грузит в кучу.
Что за печали? Полувека...
Подводной лодки стон утробный,
Он был душевный человек
Большой, не высказанной пробы.
Глаза – Алтая голубень,
Свинцом покрыты жизни горькой,
Как он любил романсы петь
В цветах Хакасского нагорья!
И в тундровой любил тиши
Встречать с друзьями хрип олений,
В нем и Астафьев, и Шукшин,
И милосердность поколений.
Он молодых сажал в седло,
Трудяг без фальши и без лени
И потому его светло
Помянет стопкой бич последний.
Я в «другах» был и рядом жил
И в этой жизни, Бога ради,
До сердца стука, хруста жил
Люблю и помню Вас, Геннадий!

Оттолкнулся от скалы
Ветер шальный,
От душевной кабалы
Сердце сжало.
Отлетела грусть-печаль
Синей птицей
И с прошедшим очень жаль
Распроститься.
Лапой белую метель
Сопки гладит,
Стелет брачную постель
Лист тетради.
Восхитительный закат,
Чудо спектра!
Заполярный аромат,
Свежесть ветра.
Как я долго здесь живу,
Браво, вечность!
Прорастает наяву
Бесконечность.
Ночь живет

Плакала калина у реки,

С тихой грустью листьями дрожа,
Недалече ясень от тоски
В розовый осинник забежал.
Не спокойно, жалобно до слез
Наблюдать за ссорами тайком,
От поникших девушек-берез
Тополь припустился босиком.
Лес зарей окрасился в кумач,
У стогов прилег, уснул туман
И росой умытый карагач
Тянется в сиреневый дурман.
Лес притих, в задумчивой реке,
Ивушка купает ноги босы,
Я крадусь с любовью, налегке
К деревьям таинственным и росам.
Ночь живет, ветвями шевеля,
Бедрами моей груди касаясь,
Серебрятся стрелы ковыля,
Я ласкаю их, крадусь, босая.
Плакала калина до утра,
Ухал филин над своей подружкой,
Манит каждый вечер до двора
И колдует тихая кукушка.
Красовскому А.

Я все победы помню,

Нокдауны не в счет,
Всегда в надежной форме
И по лопаткам пот.
Характер есть у парня,
Кувалдой слева бьет,
Какой жестокий спарринг
Да разве это спорт?
Вот секундантов челядь
Вынашивает фарт,
А он все левой в челюсть
И все сильнее в азарт.
Но вот он, третий раунд,
Как Гамлет «Бить, не бить?»
Бой катится на равных,
Но хочется завывать.
Грызет канаты тренер,
Усталый зал ревет,
Соперник бьет без трений,
Проводит апперкот.
Я огрызаюсь свингом
И вот он на полу!
От радости по рингу
Пляшу, как на балу.

Мысль, что муха,

По стеклу бьется,
Жизнь-разруха
На куски рвется!
Дней рулетка —
«Быть, не быть – выжить»
Кругосветка
До мозгов грыжи.
Цены секций
Круто вниз канут,
Мастурбаций
Берегись, Каин.
Время камни собирать.
Время...
Поспеши, божья рать,
В стремя!
Круглый шар,
Разойтись трудно,
К дому шаг
Ступи! Мой сын
Блудный.
Жизнь – хана
И не жужжит муха,
Тишина,
У паука в брюхе.
Мысли по стеклу

Вдруг за нечетом чет,
За атакой – осада,
Разухабистый черт
Мажет белое сажей.
Милосердный Господь
По воде, что по суше,
Только я до сих пор
Сам себя – и за уши.
Только Космос вокруг
Ощетинился терном,
Стал Иудою друг
В суете коридорной.
Десять истин не в счет,
Лепота пустобрехам,
Чую, рядом сам черт
Заходился от смеха.
Ветер стонет окрест,
Или бес завывает,
Пригвозжу тело в крест,
В жизни хуже бывает.
В непоседе-судьбе,
Как поэта творенье,
После тысячи бед
Наступает прозренье.
Мудрый Воланд и Вий

В каждом шествуют мимо,
Но ты знай, «Не убий...»
Рядом с вечным «помилуй..»
Дьяконову В. А.

Вот махина, ну вот громада!
Потрудилось не зря КБ,
Аппарат, мощней «Фердинанда»
И племянник бойца «КВ».
Он шагнул гусеницей в завтра
И работает не спеша,
Он с повадками бронтозавра,
Абрикосовый СБШ.
Аппетит такой неумный,
Разговор короткий с тобой,
На гора выдает объемы,
Аж дымится любой забой.
Это явь, это нам не снится
СБШ и Полярный круг,
Триумфальная колесница —
Мой кормилец и верный друг!
Жить надо

Жить надо, все преодолев,
Паскудство бытия и суету боярства,
Высоцкого трагический запев,

В заморских этикетках яства.
Жить стоит только потому,
Что ты Россией окрещенный
И верен Слову одному,
На все столетия прощенный.
Жить будем, всем смертям назло,
Уйдем по горизонту в вечность,
Не то чтоб в жизни не везло,
Но волновала бесконечность.
У края пропастей и крыш,
На небесах и виадуках
Раскинешь руки и летишь,
Рукою Божьей тешишь душу.
Жить надо, и не умирать
От скуки, тяжести, запоя,
А россиян святая рать
Еще заткнет беду за пояс.
Памяти Рябенко Ю. (Огненный остров)

Что сказать вам о Вологде
В тихих строчках, меж строчек?
Повторюсь, она вон аж где,
Где «расстрелы в рассрочку».
Злая мачеха-вотчина
Отдает болью острой,
Далеко Вологодчина,

Рядом – Огненный остров.
В православной обители
Не молебен и благодать,
В кельях – вечные жители,
Только жизнь им не в радость.
За стенами угрюмыми
Мразь, убийцы, изгои,
Перевенчаны с тюрьмами
С вечной каторгой – горем.
Милосердие страшное —
Клетка стен в «одиночке»,
Приговоры вчерашние
Стали смертью в «рассрочку».
Грозовыми раскатами
Вологодские бури
Возмущаются каторгой
Вместо смерти от пули.
И лишенные мщенья
Пулевой бредят вспышкой,
Ну зачем им прощенье?
Вечный кайф вместо «вышки».

Нет, я не возражаю,
Не мучайся до слез,
Твой облик обожаю

В таинственности грез.
Тянусь к теплу ладоней,
К изяществу спины,
Полярная мадонна
Заснеженной страны.
Я на бубей гадаю,
Не хочешь ждать – уйди!
Одежд покров спадает
От трепета груди.
Негрешными губами
Ловлю ручей волос,
Страдаю, словно Гамлет,
И мучаюсь до слез.
И первородным гимном
В ночи срываюсь в крик..
Полярная богиня,
Мой сладострастный миг.
Метаморфозы

Идеально выбрит
Под одеколон,
В профиль, фас —
Ну вылитый мсье
Ален Делон!
А вчера из бани я
Еле ноги нес,

Вылитый Катания,
Ну похож, до слез.
Лишь чуть-чуть расслабился
В полдень при жаре,
Вдруг чудак раскланялся
«Здравствуй, Жан Марэ!»
Незнакомка вечером,
Кутаясь в манто,
(Делать, чую нечего)
Шепчет «Бельмондо».
Дурью долго маялся,
Имидж мой таков,
Но в душе я, там и сям
Леня Голубков.
Ночной полет...

Экипаж – якутский, груз – кубанский,
Ох уж эта житница – Кубань!
Маркитанты с мордою кабацкой
Выдают таможенную дань.
Полетели, словно на заданье,
Ни воды, ни пайки не дают,
Фирма «трет» фиаско с опозданием,
Тоже мне, коммерческий маршрут!
Никого не тронет в перевозках
Человека малая судьба,

Спит красotka в макияже броском
С Моновской улыбкой на губах.
В кои передряги нас бросало,
И судьба ломала нам бока,
Не беда – пластаем круто сало,
А вдогонку – дольки чеснока.
И в салоне, далеко ни мартом,
Ни заморским чудом «Анкла Бене»,
Дунуло чесночным ароматом,
Чесночок надежный экстрасенс!
Чувствую, толпа зашевелилась,
Показала наконец лицо
И в стаканы зелие полилось
Под котлеты, куру и яйцо.
Так летели дружною командой,
За бортом – под минус сорок семь,
Отродясь не видел пропаганды
Сытой и доступнейшей для всех.
Допекли столпов «Аэрофлота»
Аромат котлет и табака,
Миль пятьсот отважные пилоты
Чир с душком пускали по рукам.
Дозаправка в городе таежном,
Пристегнулись, взлет – судьбы каприз,
Наконец, поверить невозможно,
Дали пайку – пол крыл а и рис.

Дожевали дружно коржик с чаем,
Покурили тихо перед сном
И без споров, злобы и печали
Захрапел российский славный сноб.
Отстегнулись – сели, слава Богу!
Сало помогло отладить курс,
Ветра нам попутного в дорогу
Пожелай столичный град Якутск!
Николаеву А. П.

Погода – «миллион на миллион»,
Как молятся мои друзья-пилоты,
У них страда и круглый год сезон
И небосвод таежный – в рай ворота.
А поутру пунцовая заря
Оранжево окрасит вертолеты,
Стоящие на старте дружно в ряд,
И ждущие небудничной работы.
Вибрирует, неистов, головаст!
Волнует сферу серебристый веер,
Всегда готов сказать «Иду на вас!»
Он пробует на ощупь первый ветер.
Он, что скакун, породистый мустанг,
Шасси-копыта пробует планету,
Полукентавр, почти небесный танк,
Команде подчинен, не комплиентам.

Турбин орган грохочет ноту фа,
Работа в плане и готов «Заказчик»,
А взлет! Как волшебства свершенный факт,
Природы прихоть, достоверность сказки.
Чуть наклоняя к горизонту нос,
Обнюхивая взлетную дорожку,
Пошел в работу и маршрут «норд-ост»
Рука – на «шаг» без трепета и дрожи.
Пилоты – это рыцари стихий
С горячим сердцем и народ не хилый,
При «ползунках» и меховых бахилах
Всей эскадрильей просятся в стихи.
Погода «миллион на миллион»
И небо, как торжественное «ретро»
И вертолеты – звездный пелетон
Свечой взмывает курсом против ветра.

Жить стало легче,
стало веселей,
Заходимся и давимся от смеха,
Спасай Россию, юный Водолей,
Наставь на путь надежды и успеха.
Пожалуй православным чистых вод,
Омой их лица вешними дождями..

Из всех несостоявшихся свобод
Даруй Свободу дух крепить во Храме.
«Ты веруешь?» – прохожего спроси,
В России мощь без тлена и елея...
Я счастлив, воскресает на Руси
Надежда, Вера, Воля Водолея.

Упаси меня, Бог!
Ты прости меня, братия.
В голове сущий смог,
На дворе демократия!
Раскрываю глаза,
Ночь. И снова, и снова
Вижу солнечный зал,
«100 веков» Глазунова.
Громовержен Перун,
Мономаховы стяги,
Нестерпимо перу
Пробегать по бумаге.
Наша жизнь, что икона
И с утра помолясь,
По известным законам
Соскребаем с душ грязь.
Отутюжим подрясник,
Гимнастерку и фрак,

В демократии ясли
Отправляться пора!
Плюрализм – от детсада,
А не лозунг «Даешь!»
Ах, какая досада,
Ни душа, чистый ерш.
Воздохнем во все груди
И распялится рот
Словно залпы орудий
Да наш огород.

Каюсь, был с тобою нежен,
Ласков был, что Казанова...
Перепутан, неизбежен
Стал союз наш грешный нормой.
Опечаленный конфузом,
Пережитым личным горем,
Я, похоже, стал французом
По-гасконски ярко-гордым.
Помнишь шепот полуночный,
Пляску теней на портьерах?
Неподкупно непорочным
Я казался Робеспьером.
Позапутались дороги,
По рукам змеились рельсы,

Страсти светлой полубоги,
Рвем тугие нити стресса.
Ты – не Ева, я – не Каин,
Соблазнить, убить – не властны,
Пусть подымет, бросит камень
Всяк, кто знал сей путь прекрасный.

Снегом ангельским запорошило
Все хорошее – не хорошее
В октябре...
Пригорюнился луг некошенный,
Ветер нудится. Гость не прощенный
На заре...
Снега сочный хруст под полозьями,
Фонари рябин дразнят гроздьями
Ярче солнц...
Колокольчика песня жаркая,
Девки хвалятся полушалками,
Явь, что сон...
Малахитовой бронзы колокол,
Басом истовым – гул подкованный,
Дробь копыт...
Купола церквей златистые
В небеса упали батистовые,
Снег блестит...

Женихи петухами прегордыми
Как один, бойцы красномордые,
Ждут невест...

Девки сбитые и искряные,
От любви, не от браги пьяные,
Ловят жест...

Снегом ангельским запорошило
Все хорошее и пригожее,
Быть зиме...

Жанне

То не дождь, то шепот девы,
Полуночные распевы,
Да к утру пожар ланит.
«...слышишь, милый, я боюсь?...»

То не страх, то шепот крови,
Ятаганом чудо-брови,
Да в очах девичья грусть.
«...слышишь, милый, вор в саду?...»

То не вор, то яшень плачет,
Вербу ломит, не иначе
Ох, на горяшко-беду.
«...помню, милый, день грядет...»

То не день, луна в окошке,
Я дышу в твои ладошки
И ловлю смущенный рот.

Не кончается деревня,
Что не говори.
Вот домучимся до пенсий
И в село с лесною песней...
Ждите, упыри!
Косорылый, мохнолапый
Леший бродит тихой сапой
Подле деревень.
Полусонных тешит девок,
Разомлев от посиделок,
Дрыхнет целый день.
В нетопленной старой бане,
В пыльных хедерах комбайнов
Ведьмы точат зло.
Вислоухие собаки
Не дают покоя бабкам,
Брешут за селом.
Деревенский воздух чистый,
Пышет каравай плечистый
Рядом с молоком.
Хлеборобы хлебным салом
Ежедневно по сусалам
Мажут не тайком.

У хозяина любого
Место есть для домового
За печной трубой.
Век не первый все под Богом
Поживаем не убого,
Шевелим «мозгой».
А с рассветом бледной тенью
Снова леший по плетням
Чешет босиком.
Заходился от припевок,
Будоражит сонных девок
Бородой тайком.

А по России стон колоколов,
То Святки разметались белым пухом
И в полдень – хитроумный птицелов
Сорочьим криком раздражает ухо.
А на Руси-то нынче какво!
Как несмышлениш, к слову привыкает,
Так русичи восходят в Рождество
И верится – их не обманет Каин.
И вроде бы за дверью не апрель,
Какой апрель – осатанела стужа!
Но есть места к обедне, где капель
Январь торопит на крещенский ужин.

Но лучшая – на родине зима,
На тех погостах и сугробы чище,
Под деревьями нас молила мать
Не осквернять ни хлеб, ни пепелище.
Благословляла теплою рукой
В дорогу, на труды и в неизвестность
И благовест стелился над рекой,
Он расцветал и бередил окрестность.
Да! На России скоро Новый год!
Придет, проскочит новой колесницей,
Не дай нам Бог, увидеть недород,
Или такое, что в болезни снится.
И помогай нам, русская зима!
Твоим холопам преданным и истым,
Чтоб распрямили спины тополя,
Взор посветлел и хилый стал плечистым.
А по России колокольный звон...
Что он разбудит, ночь полна рассвета,
Не за грехи ль мы свой дремучий сон
Несем, как крест и уплываем в Лету?

Изабель

Тайно, робко, несмело
К Вам душою влекусь,
Изабель, Изабелла —
Мой сиреневый вкус.
Ты, что ветка сакуры,
И стройна, и гибка
Я не с Вами покуда,
Не со мной Вы пока.
Дочь полярных сияний
И снежинок сестра,
Не пугайся признаний
У мужского костра.
Успокой свое тело,
Не грусти, не дрожи...
Изабель, Изабелла
У полночной межи.
Пригуби поцелуем
Долгожданный чорон
Серебро полнолуныя
Отражает кулон.
Забивает дыханье
И глаза мать – метель...
Подари мне признание,

Изабель, Изабель.

Всё Иваны мы да Марьи,
Плюрализма суета.
Отправлюсь весенней хмарью,
Дух трепещет – лепота!
Пугачевскому сермяге
Ложку дегтя на ведро
Медовухи или браги,
Чтоб куражилось нутро.
На Днепре, Урале, Яне
Солидарность – не замай!
Раскуражились славяне,
Расплескали Первомай...
Эй, шеренги, подравняйтесь,
Мозг России, класса соль
И сердца, соединяйтесь
Через отчаянье и боль.
Нам нерыночною мордой
Не прорваться в «братство» стран,
Назовись ты хоть Раймондой,
Хоть Креститель Иоанн.
Нежным цветом утро красит
Кумачом да кумачом...
Выводи колонны, Разин,

Строй дружины, Пугачев!

Дождь и ночь, и в бокалах вино
Нам недаром, любимый, дано.
Дочь любви, златокудрая дочь,
Ты и я, и дождливая ночь.
Я бегу от назойливых струй,
Берегу от дождя поцелуй.
Нам двоим может только помочь
Дождь и ночь,
дождь и ночь,
дождь и ночь.

Холодно осине в ноябре
И до марта будет ей не жарко,
По студенной, ветреной поре
Худо без листвы и полушалка.
Голой кроной, ветками дрожа,
Ты о чем мечтаешь, недотрога?
Мне б тебя к груди своей прижать,
Согревать дыханьем понемногу.
Доживем, пожалуй, доживем
До весны, до праздника лесного
И омоет нас лихим дождем,

И листвою нас согреют снова.
Отчего ж и летом ты дрожишь,
Милая подруженька лесная?
Не таи беду свою, скажи,
Я тебя прекрасно понимаю.
И меня по осени знобит,
И дожить пытаюсь до весенья,
Ветер беспрестанно теребит,
В будни теребит и в воскресенье.

В карманах хлюпала вода,
Плащ тяжелел пятью дождями,
Казалось – это навсегда,
Вода небес осталась с нами.
С далеких, непокорных гор
Сбегали чередою тучи
И продолжали давний спор,
И торопили гром могучий.
Далёко – далеко черта,
Где солнце оживляет небо,
О человечества мечта,
Чарующая быль и небыль!
Гроза стихала, сон дождя
Кончался, трепетен и зыбок
И солнце, вечность погода,

Дарит с небес букет улыбок.
Умытый, бирюзовый лес
Пятью дождями и росой,
И дивной благостью с небес
Живет волшебной красотой.
Зимник

Дорога вьется по ручью,
Спешит на тракт,
Устал, готов с пургой вничью
И – на контракт.
Черт знает, где то зимовье
И длинный чай?
Мотор ревет, мотор поет:
«Друг, выручай!»
Я в этой мартовской пурге,
Как Одиссей,
Спаси меня, российский герб И – Моисей.
Не сорок лет – четыре дня Я жгу соляр,
С бортами замело «коня»
Звенит сопля.
Звенит полуденный эфир,
Звенит ночной,
Смакую чая эликсир,
Как древний Ной.
Своим родным богам молюсь

Под бас «шмеля»,
Сижу в кабине, не стыжусь,
Что жмет петля.
Нас шнекоротор снова спас
И – «колымбак». *
Дай бог побольше дальних трасс,
Иду на Барс!

** колымбак – запасной бак на КАМАЗе, литров на 1000.*

Отыграла, отзвенела осень
Золотисто-бронзовым листом,
Тополек гулять боится босым
Поутру в осиннике густом.
Спит туман белесый за овином,
Искажая тихий лай волчат,
Журавли уносят клин за клином
Недопетых радостей колчак.
Иней серебрит мукою блинной
Головы соломенных стогов,
Осени златая половина,
Капище языческих богов.
Вишневеют стылые зарницы,
Угасают дальние костры.

Тополю не можется, не спится
До весенней, яростной поры.
Ранний заяц мечется лениво,
Хрумкая морковкой на бегу,
Лишь доносит эхо торопливо
Из уснувшей рожицы: «Ку-ку!»

Струится снег, а мне все кажется
Который день, который год,
Под гул крови тоска уляжется,
В небытие печаль уйдет.
Но тяготит чугунной гирей
Серебряная пустота,
В усталом сердце ностальгия
Меня терзает неспроста.
Седая тундра полой чашей
Манит в таинственную сень,
На встречу с молодостью нашей
Бегу я в снеги всякий день.
Язык любви порой так зыбок —
А может младость не уйдет?
И недосказанность улыбок
В моих товарищах живет.
Я по кускам себя собираю,
Спешу в минувшие года,

Тропою прошлого, по краю
Уйду не слышно, в никуда.
Струится снег и мне не ясно,
В душе прохлада или жар?
Не может быть, чтобы напрасно
Горел в нас верности пожар.

Рассвет реален. Желтая свеча
Едва горела, теплилась, погасла.
Я к образам, долил в лампаду масла,
И взгляд коснулся твоего плеча.
Прости, Господь, греховный мой порыв:
Моя любовь живет в плену подушки,
На курьих ножках в маленькой избушке.
Точеное плечо полуоткрыв,
Я поцелуем обнажу твой сон,
Коснусь груди несмелою рукою
И тихий вскрик губами успокою,
Души твоей внимая полустон.
Как одинока бледная звезда,
Едва мерцает тусклою свечою,
Мне хорошо и трепетно с тобою
И не страшит незримая беда.
Цветок лампы лики шевелит

И мы очнулись, утро входит в окна,
Восходит солнце, в облаках измокнув,
Опаловых кровей александрит.
Маме

Жаились осина с ивою
Тихим девушкам-березкам.
И печалились, красивые,
И росу роняли – слезки.
Там, за омутом, за рощею
Молодые клены, ясени,
Побежать нам было проще бы,
Но стоим, как две балясины.
У костров багряно-аленьких
Дерева молодые тешатся
Все нас ждут, не разудаленьких,
Ах, как хочется, хоть вешайся!
Может сбросить кроны буйные
И промчась сквозь травы росные,
Свои ветви многоструйные
По плечам любимых сбросить бы.
И застыть в ночи таинственной,
Трепеща корою-кожею,
Ты желанный мой, единственный,
На заре расстаться сможем ли..?
Над ручьем осина с ивою,

Грусть с тоскою мироздания
Засыпают, пресчастливые,
Ждут полночного свидания.
Челядинову Ю.

Закуролесила весна
Раздольно по осиннику,
Ей стала улица тесна,
Торопится по зимнику.
Лохматит голову с утра
Весенний дух дурманистый,
Спешит капель: «Пора, пора» —
Вздыхает дуб осанистый.
Таращат темные глаза
И ширятся проплешины,
Им снится первая гроза,
Трава и воды вешние.
Лукавый ветер-пострелец
Играется валежником,
Он ждет, когда же, наконец,
Украсят луг подснежники.
Как тянет руки старый клен
К березе-белостволушке
И скрип его – протяжный стон
По молодецкой волюшке.

На душе дыра-прореха,
Наяву звучит минор,
Мне сегодня не до смеха,
Твое «фе» – сплошной укор.
Я спешу к тебе, как знамя,
Ветер куртку теребит,
Ты, любимая пиранья,
Не решенный мной гамбит.
По кафе и ресторанам
Я спасал тебя не раз,
Ты наутро мне пространно
Объяснялась без прикрас.
Голливудским макияжем
Ты замучила весь дом,
А когда плывешь по пляжу,
Ты – Гоморра и Содом.
И к чему такой влюбленный
Я в тебя и в твой прикид?
Ты – мой бес неугомонный
Смыслу, здраву вопреки.
Перебесишься и сразу
Под фату и под венец
И в ночи зажжем не стразы,
А брильянты двух сердец.
Малому В. П.

Пурпурной кистью снегири
В сугробе свежем приютились,
В калину красную влюбились
Посланцы утренней зари.
На темно-голубых тонах
Горели кровавые гроздья,
Сосульки – ледяные гвозди
Держали крыши на домах.
Горька до первого мороза
Ах ты, калинушка-душа!
И по щекам сбегает слезы:
Ох, как ты в зиму хороша!
И белоствольный березняк,
Заиндевелый, молчаливый
Манит красой неприхотливой,
Укрытый в сказочный кержак.
И я к калинушке влекусь
Сквозь березняк, мороз, сугробы.
Я твой не пасынок, до гроба
Твой блудный сын, родная Русь.
Икебана

«Несчастный, вспыльчивый осел!» —
Так обзывала Ларка в гневе.
И сто очков той, первой Еве

Даст и в интима, и во всем.
«Так значит можно вам звонить?» —
Спросил смиренно после танго,
Не только не ослом, мустангом
Скакал к подъезду во всю прыть.
И без китайских экивок
В подсвечник – свечи,
Джин – в стаканы,
Такая, в общем икебана
И джина ласковый глоток.
Вот так любили, не спеша
Допили джин по горьким каплям
И Ларка, словно чудо-цапля,
Была безмерно хороша.

Марте

Весною девственной

И зрелой осенью

Глядят по-девичьи

Глаза раскосые.

Глядят таинственно,

С дремучей силою.

На дне их – истина

Любви красивее!

Бедово вскинула

В разлете брови.

С красою скифскою

Ей спорить вровень.

Мадонну нежную

Сегодня славлю.

Страны заснеженной

Дочь – Ярославну!

71 параллель

Разыгралась с утра капель,

Будоражит весну стакатто.

Разудальный буян-апрель

Беспокоит память стократно.

Нет, две тысячи первый год

Для Вселенной – времени кроха,
Для меня, я недаром горд,
Депутатский дебют – эпоха!
Восемь месяцев на метель,
А четыре – на белые ночи...
Депутатская параллель
Через душу вросла в позвоночник!
Лишь недавно привыкли: Центр,
Квартал «Б» и другие веси.
Раньше был оловянный цех,
«Заводская» и «Буревестник».
Начиналась любви верста
И металла пора трудовая
От гостиницы «Люкс-Мечта»
Семь ступеней к вершине рая.
И как вздох, на сезон, на года
В дрожь бросали весенние росы.
В память врезалась навсегда
Тенкелей оловянная россыпь.
Общим был неуспех и фарт,
Закопченный балочный чайник.
И «копытил» блондин-прибалт
Рядом в бункере неслучайно.
Столько судеб на памяти лет,
Нет друзей моих верных и строгих.
Вот такой же таежный рассвет

Наполняет озоном дороги.
Все, как прежде, но не совсем,
Что-то главное мы проморгали...
И вчерашний кузнец-сосед
Рубль кует уже в «шоп-балагане»
И обида на чудо-жизнь
Огорчает и больно ранит.
Я себе говорю: «Держись!»,
Вторят тихо мне ветераны.
Депутатская параллель,
Моей юности возмужанье,
Что подарит нам новый апрель?
Боль надежды и ожиданье...
«Се-ля-ви», не грусти, старик,
Не жалей, наливай по единой.
Что готовит тебе материк,
Оловянному господину?

Друг в друге наша канитель:
Чего мудрить – судьба банальна
И постоянно актуальна,
Как марта первая капель.
«Довольно глупостей, прости...» —
Кричали поезда со стоном!
Но чудодейственным озоном

Нас торопился март спасти...
Весенней чувственности новь
Наш мир усталый освежает
И с нетерпением возрождает
Надежду, Веру и Любовь.
И посему – «шерше ля фам...»,
И поцелуев первых сладость,
И потому цветы и радость
С слезой печальной пополам...
Но торжествует чистый март

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.